

А-90
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

На правах рукописи

АСАТРЯН
Гарник Серобович

УДК 491.531-2+491.532-2

**ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА
В СРЕДНЕПЕРСИДСКОМ И ПАРФЯНСКОМ
(На материале турфанских текстов)**

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ — 10.02.22 —
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН АЗИИ, АФРИКИ,
АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

**АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК**

ЛЕНИНГРАД — 1983

Шифр 1983/10/1-87
10/1-87

Диссертация выполнена в Группе древневосточной филологии Сектора Древнего востока Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Научный руководитель – доктор исторических наук
А. Г. ПЕРИХАНИН

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Т. Д. ЧХЕИДЗЕ
кандидат филологических наук
И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

Ведущее учреждение: Ленинградское отделение Института
языкознания АН СССР

Защита состоится "28" сентября 1984 г. в 16 часов на заседании специализированного Совета Д 063.57.38 при Ленинградском ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Государственном университете им. А. А. Жданова по адресу: 199164, Ленинград, Университетская наб., д. 11, ауд. 167 Восточного факультета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке им. М. Горького при Ленинградском Государственном университете им. А. А. Жданова: Ленинград, Университетская наб., д. 7/9.

Автореферат разослан "28" сентября 1983 г.

Ученый секретарь
специализированного Совета,
доцент
Г. Е. Рачков

АН СССР зан. 483, т. 110 28 10 83.

Начало нашего столетия ознаменовано замечательным событием для иранистики – открытием турфанских манихейских текстов на трех среднеиранских языках – среднеперсидском, парфянском и согдийском. Это вызвало подлинный переворот в области иранского языкознания. Значение среднеперсидских и парфянских текстов для иранистики было оценено наукой уже в первом десятилетии XX века, когда благодаря трудам Ф. В. К. Мюллера и К. Г. Залемана были опубликованы первые издания этих текстов, а Ф. К. Андреас показал наличие среди них двух диалектов. К настоящему времени усилиями В. Б. Хеннинга, М. Бойс, Д. Н. Маккензи, В. Зундермана и других ученых издана большая часть среднеперсидских и парфянских текстов Берлинского собрания – самой крупной коллекции восточнотуркестанской манихеики. До недавнего времени, однако, эти тексты в плане лингвистическом исследовались главным образом с точки зрения историко-этимологической. Таким было и направление лучших работ, посвященных диалектологии и глагольным системам среднеперсидского и парфянского по данным манихейских текстов – работ П. Тедеско, В. Б. Хеннинга и А. Гилэна.¹ Грамматическая сторона в них представлена в очень общем виде, а синтаксическая почти совсем не рассматривается. В самые последние годы иранисты, наконец, обратились к исследованию западноиранских манихейских текстов в синхронно-грамматическом и синтаксическом плане. Именным частям речи в среднеперсидском и парфянском были посвящены краткие исследования А. Рагозы и В. Скальмовского.² Вышла недавно монография американского ираниста К. Бруннера, посвященная синтаксису среднезападноиранских языков, в основу которой легли (наряду с дру-

¹ См. P. Tedesco. *Dialektologie der westiranischen Turfan-
texte.* – MO, 1921, vol. XV, f. 1-2, S. 184-258; W. B. Henning. *Das
Verbum des Mittelpersischen der Turfan-Fragmente.* – ZII, 1933,
Bd 9, H. 2, S. 158-253; A. Ghilain. *Essai sur la langue parthe.*
Louvain, 1939.

² А. Н. Рагоза. *Существительные и прилагательные в среднеперсидских турфанских текстах.* – ИСИА, 1963, 67, с. 118-126; W. Skalmowski. *Das Nomen im Parthischen.* – Bulletin de la Société Polonaise de Linguistique. Wrocław-Kraków, 1967, 25, S. 75-89.

гими памятниками) и данные турфанских текстов.¹ Эта работа, первая в своем роде, не лишена очень многих спорных положений и неточностей. Она могла бы быть более полезной, если бы автор ограничил рамки своего исследования только одной категорией текстов.²

Появление этих работ ярко продемонстрировало необходимость новых детальных исследований манихейских документов, прежде всего - исследования состава и функционирования грамматических форм этих текстов. Публикации в последние годы неизданных текстов и новые интерпретации некоторых ранее опубликованных фрагментов делают эту задачу весьма актуальной.

Диссертация посвящена составу и функционированию отглагольных имен в турфанских среднеперсидских и парфянских текстах. Она основана на всех опубликованных до сих пор памятниках. И хотя тексты эти были написаны на протяжении нескольких столетий, начиная от III века, в данной работе мы рассматриваем их недифференцированно вследствие отсутствия четких критериев для их точной датировки. Вышеуказанной проблеме ни в советской, ни в зарубежной литературе не посвящено ни одного монографического или краткого исследования, в чем и проявляется научная новизна нашей работы.

Целью диссертационной работы является системное исследование всего состава отглагольных имен в турфанских среднеперсидских и парфянских текстах, выявление их грамматических, семантических и синтаксических особенностей.

Практическая значимость работы определяется тем, что исследование и анализ отглагольных имен, сделанный нами на большом текстовом материале, могут послужить надежной основой для составления научных грамматик среднеперсидского и парфянского языков и для их историко-сравнительной характеристики.

Структура работы. Диссертация объемом в 133 страниц состоит из предисловия, шести глав, заключения, библиографии в 135 названий и списка сокращений. Каждое явление прослеживается сначала на среднеперсидском материале, затем - на парфянском. При этом в возможных случаях приводятся соответствующие древнеиранские параллели, а также прослеживается развитие формы на новоиранском материале.

В Предисловии обосновывается выбор именно манихейских тек-

¹ Chr. J. Brunner. A syntax of Western Middle Iranian. Delmar, N.Y., 1977.

² См. N. Sims-Williams. /Рец. на:/ Chr. J. Brunner. Ук. соч. - BSOAS, 1979, 42/43, p. 570-571.

стов для исследования отглагольных имен в среднеперсидском и парфянском. Приводится также краткая история публикации и изучения этих текстов.

Первая глава посвящена отглагольным именам на ^{*}-(a)ka. Эти имена в древнеиранском образовывались от разных основ посредством присоединения суффикса ^{*}-(a)ka (и.е. ^{*}-ek/-ko), образующего имена прилагательные, а также диминутивы от имен существительных. Этот же суффикс, по-видимому, использовался также для образования имен деятеля от глагольных основ; ср. напр. др.-перс. karnvaka (из др.-ир. ^{*}kṛnav-aka-) 'отрабатывающий (повинность)'; ав. garaka- 'поддерживающий'; ср. также др.-инд. kṛśaka- 'кричащий', kṛśaka- 'пахарь' и т.д.¹ В древнеиранских языках имена на ^{*}-(a)ka имели ограниченное употребление, зато в среднеиранскую языковую эпоху эти имена получают широкое распространение.

В турфанских западноиранских текстах суффикс -āg (<^{*}-(a)ka) присоединяется в большинстве случаев к основе настоящего времени глагола. Однако встречаются случаи, когда он (с кратким вариантом гласного) присоединяется к причастиям на -ta или на -ant; ср. ср.-перс., парф. bwxtg 'спасенный' (^{*}buxta-ka-), zyndg, jwmdg 'живой' (^{*}jīvant(a)-ka-), парф. wxyndg (^{*}xvarant(a)-ka) и т.п. Есть и примеры в среднеперсидском, в которых суффикс с долгим гласным присоединяется к основам, оформленным каузативным суффиксом -yn- (<^{*}-ayana-); ср. r'yn'g 'вождь, предводитель', wuqr'syn'g 'пробудитель' (ср. wuqr's'g 'id.'). Суффикс -āg присоединялся также ко вторичным причастиям на -'d (-ād) и -yd (-īd); ср. ср.-перс. 'wft'dg 'упавший', парф. 'st'w'dg 'прославленный'; ср.-перс. 'st'yd'g 'прославленный'. В среднеперсидском и парфянском вариант суффикса с долгим гласным -āg (ранн. -āk)² образовывал, как правило, причастия наст. времени от основ презенса.

Что же касается имен с кратким вариантом гласного от основ на -ta или -ant и от вторичных причастных основ, то они выступают в основном как прилагательные и, нередко субстантивизируясь, функционируют как имена существительные; ср. в ср.-перс.: nwyā'g ku h'n gw'ng'n 'w wjyydg'n 'wrgyud 'Слушатель, который принес эту

¹ См. Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Berlin, 1961, S. 1508; J. Wackernagel, A. Debrunner. Altindische Grammatik. Bd II, 2. Die Nominalsuffixe. Göttingen, 1954, S. 145, 146.

² Происхождение этой формы довольно спорно; см. J. Darmesteter. Études Iraniques I. Paris, 1883, p. 268; C. Salemann. Mittelpersisch. - GIPh, 1895, Bd I, Abt. I, S. 278.

милостно избранным' (М 221, V, 10, 11); в парф.: l'mun pxwun bxxtg rdygruft wš 'rg'wuft 'Вечный первый спасенный получил много почестей (Т Ш D Ш 267, 2-5). Для субстантивированных причастий с долгим гласным суффикса можно отметить семантику имен деятеля; а иногда и синтаксическую функцию именного члена составного сказуемого; ср. например, в ср.-перс.: 'wy wuš'h'g 'wd bxxt'r bw'd 'Пусть он будет открывателем и освободителем' (Т Ш 260 e II V I, 31-33).

В атрибутивном употреблении отглагольные прилагательные на -āg (от основ на -ta) в ср.-перс. и парф. непосредственно примыкают к определяемому слову чаще всего в постпозиции; ср. в ср.-перс.: byc ryt mwrdg 'y wysp d'm hrw'gwc kw wynd'nd... hyb xwrynd 'Но трупы (букв. 'умершую плоть') всех животных, везде, где (их) найдут, пусть съедят' (Т П D I26 П R, 6-10); в парф.: 'wd wuzmryd 'wd wzwyd cw'gwn w'r systg 'И увядает и сохнет как надломленная роза' (М 91 V, 12a). В рассматриваемом здесь атрибутивном употреблении причастия-прилагательные на -āg обычно согласуются в числе с определенным именем (особенно в среднеперсидском). Они могут примыкать к определяемому слову также посредством изафета или относительного местоимения ku (в парфянском). Это, однако, позднее явление и встречается очень редко. Вообще следует сказать, что в отличие от обычных прилагательных, образующих сплошь и рядом изафетные конструкции с существительным, основным средством грамматической связи отглагольного прилагательного в среднеперсидском и парфянском является примыкание.

Имена на -āg употребляются также адвербиально, выполняя в предложении функции обстоятельства или приглагольного определения; ср. в ср.-перс.: 'wd xušm'wnd w kuyw'r w 'n'mwrgz gw'nd 'Чтобы они пребывали (букв. 'шли') гневными и мстительными и немилостивыми' (Т Ш 260 a I R II, 16-19). В парфянских текстах случаи адвербиального употребления отглагольных имен на -āg нами не обнаружены.

В роли предиката (без связки) в среднеперсидском отмечены лишь образования от презентной основы; в парфянском встречаются также и образования от прошедшей основы. Ср. в ср.-перс.: kyrbyy 'wš ncyh'g bzgyy 'wš q'r'g 'Добродетель, и тот (-š), кто (ей) обучает, злодеяние, и тот (-š), кто (его) сеет' (М 219 R, 13-15); в парф.: pt 'ym zwšws 'bryn zryh tyštyn prgštg 'В этой верхней области заключено (в тюрьме) страшное море' (М 5785 R, 8, 9); zwšws gyst bxxtg pt d'w'dys kws 'wd zmyg 'Область точно разделена на 12 районов и земель' (М 67 V I, 31-34).

Причастия на -āg функционируют и в качестве именных членов составных глагольных форм (предикативно-атрибутивное употребление), сохраняя автономность лексической семантики: имени деятеля, отглагольного прилагательного, субстантива и т.п.

В парфянском нами отмечен один пример выступления глагола dār- 'держать, иметь' в качестве вспомогательного, с причастием; ср.: 'c 'ym mrdwšm ky rdmwxtg d'ryd wryxšyd /.../ 'Прочь от этого человека, который одет (в это), убегайте /.../ (М I202 R, 12). Глагол dār- здесь, как и с причастиями на -ta,^I выражает сохранение состояния, достигнутого в результате завершенного действия.

Ниже приводится, в соответствии с употреблением отглагольных имен на -āg, таблица дистрибуции долгого и краткого вариантов суффикса и основ, к которым он присоединяется.

Употребления	Среднеперсидский								Парфянский							
	-āg				-āg				-āg				-āg			
	ос-ноба наст.врем.	ос-ноба прош.врем.	-ant	-ēn	ос-ноба наст.врем.	ос-ноба прош.врем.	-ant	-ēn	ос-ноба наст.врем.	ос-ноба прош.врем.	-ant	-ān	ос-ноба наст.врем.	ос-ноба прош.врем.	-ant	-ān
субстан- тивное						+								+		
имя дея- теля	+			+					+				+			
атрибу- тивное					+	+			+				+	+	+	+
адверби- альное					+	+										
деепри- частное													+			
предика- тивное	+				+								+	+		
предик.- атрибут.					+	+							+	+		

Дальнейшая судьба отглагольных имен на -(а)ка в современных иранских языках сложилась по-разному, в зависимости от основы, к которой присоединялся суффикс. В большинстве языков образования от претеритальной основы прочно вошли в систему глагольного словоизменения, участвуя в создании аналитических форм глагола. Эти

^I См. W.B. Henning, ук.соч., с.247.

милостно избраннм' (М 221, V, 10, 11); в парф.: l'lmyn nхwуп bwtg pdygruft wв 'rg'wyft 'Вечный первый спасенный получил много почестей (Т Ш D Ш 267, 2-5). Для субстантивированных причастий с долгим гласным суффикса можно отметить семантику имен деятеля; а иногда и синтаксическую функцию именного члена составного сказуемого; ср. например, в ср.-перс.: 'wy wуѣ'h'g 'wd bwt'r bw'd 'Пусть он будет открывателем и освободителем' (Т Ш 260 e II V I, 31-33).

В атрибутивном употреблении отглагольные прилагательные на -āg (от основ на -ta) в ср.-перс. и парф. непосредственно примыкают к определяемому слову чаще всего в постпозиции; ср. в ср.-перс.: byc ryt pwrđg 'y wуsr d'm hrw'gwe kw wуnd'nd... hyb хwгyнд 'Но трупы (букв. 'умершую плоть') всех животных, везде, где (их) найдут, пусть съедят' (Т П D 126 П R, 6-10); в парф.: 'wd wуzmryd 'wd wzwyd cw'gwn w'r systg 'И увядает и сохнет как надломленная роза' (М 91 V, 12a). В рассматриваемом здесь атрибутивном употреблении причастия-прилагательные на -āg обычно согласуются в числе с определенным именем (особенно в среднеперсидском). Они могут примыкать к определяемому слову также посредством изафета или относительного местоимения ку (в парфянском). Это, однако, позднее явление и встречается очень редко. Вообще следует сказать, что в отличие от обычных прилагательных, образующих сплошь и рядом изафетные конструкции с существительным, основным средством грамматической связи отглагольного прилагательного в среднеперсидском и парфянском является примыкание.

Имена на -āg употребляются также адвербиально, выполняя в предложении функции обстоятельства или приглагольного определения; ср. в ср.-перс.: 'wd хуѣm'wnd w кyпw'r w 'n'шwгггг rw'nd 'Чтобы они пребывали (букв. 'шли') гневными и мстительными и немилостивыми' (Т Ш 260 a I в П, 16-19). В парфянских текстах случаи адвербиального употребления отглагольных имен на -āg нами не обнаружены.

В роли предиката (без связки) в среднеперсидском отмечены лишь образования от презентной основы; в парфянском встречаются также и образования от прошедшей основы. Ср. в ср.-перс.: kyrbyy 'wѣ ncyh'g bygyy 'wѣ q'r'g 'Добродетель, и тот (-ѣ), кто (ей) обучает, злодеяние, и тот (-ѣ), кто (его) сеет' (М 219 R, 13-15); в парф.: pt 'ym zwпws 'bryn zryh tyѣtyn prgѣtg 'В этой верхней области заключено (в тюрьме) страшное море' (М 5785 R, 8, 9); zwпws gyst bxtg pt dw'dys kws 'wd zmyg 'Область точно разделена на 12 районов и земель' (М 67 V I, 31-34).

Причастия на -āg функционируют и в качестве именных членов составных глагольных форм (предикативно-атрибутивное употребление), сохраняя автономность лексической семантики: имени деятеля, отглагольного прилагательного, субстантива и т.п.

В парфянском нами отмечен один пример выступления глагола dār- 'держать, иметь' в качестве вспомогательного, с причастием; ср.: 'с 'ym mrdwhm ky pdmwxtg d'ryd wгyxzyd /.../ 'Прочь от этого человека, который одет (в это), убегайте /.../ (М 1202 R, 12). Глагол dār- здесь, как и с причастиями на -ta,^I выражает сохранение состояния, достигнутого в результате завершенного действия.

Ниже приводится, в соответствии с употреблением отглагольных имен на -āg, таблица дистрибуции долгого и краткого вариантов суффикса и основ, к которым он присоединяется.

Употребления	Среднеперсидский								Парфянский							
	-āg				-āg				-āg				-āg			
	ос-ноба наст.врем.	ос-ноба прош.врем.	-ant	-ēn	ос-ноба наст.врем.	ос-ноба прош.врем.	-ant	-ēn	ос-ноба наст.врем.	ос-ноба прош.врем.	-ant	-ān	ос-ноба наст.врем.	ос-ноба прош.врем.	-ant	-ān
субстан- тивное						+								+		
имя дея- теля	+			+					+				+			
атрибу- тивное					+	+			+				+	+	+	+
адверби- альное					+	+										
деепри- частное													+			
предика- тивное	+				+								+	+		
предик.- атрибут.					+	+							+	+		

Дальнейшая судьба отглагольных имен на -(а)ка в современных иранских языках сложилась по-разному, в зависимости от основы, к которой присоединялся суффикс. В большинстве языков образования от претеритальной основы прочно вошли в систему глагольного словоизменения, участвуя в создании аналитических форм глагола. Эти

^I См. W.B.Henning, ук.соч., с.247.

же образования в новоперсидском, уже в классический период, расширили свое значение и стали использоваться в двойной функции - причастия и деепричастия. Образования от основы на *-ant(-antāk)* в некоторых новоиранских языках функционируют как причастия настоящего времени с семантикой имени деятеля. Что касается образований от презентных основ, то они сохранились не во всех языках. В некоторых они прослеживаются лишь как пережиточные явления. Такое положение обнаруживается в курдском (курманджи), где засвидетельствовано незначительное количество субстантивированных причастий с суффиксом *-ak/-ok*, в основном со значением имени деятеля; ср.: *garok* 'бродяга', *gazak* 'кусающий' и т.д. Часть иранских языков образует инфинитивы посредством суффикса *-āk* от основы наст. времени глагола. В этой связи представляет исключение лишь шугнано-рушанская группа памирских языков, образующая инфинитивы от прошедшей основы. Инфинитив на **(a)ka*, кроме памирских языков, засвидетельствован в агнобском, белуджском, парачи, ормури и талышском. Из среднеиранских языков он выступает в согдийском. Переход отгл. имен на **(a)ka* в инфинитивы в иранских языках обусловлен вероятно семантикой имен действия, которая, по-видимому, им была присуща. Инфинитивы на **(a)ka* в древнеиранских языках не засвидетельствованы. Однако такое употребление, причем параллельное с инфинитивом на *-tum*, отмечено для отглагольных имен на *-aka*, в древнеиндийском; ср.: *bhojakō vrajati* 'он идет, чтобы вкушать' наряду с *bhōktum vrajati* 'id.'.¹

Во второй главе исследуются отглагольные имена на *-ta*. Суффикс **-to* (иран. $\text{>}^x\text{-ta}$) широко распространен во всех индоевропейских языках (кроме анатолийских и тохарских). С помощью этого суффикса образовывались причастия от нулевой ступени корня; ср.: и.е. **klu-tó-s* 'услышанный', др.-инд. *śru-tah*, ав. *srutō*. Однако уже в древних языках имеются вторичные образования с этим суффиксом от других, более распространенных форм корня.

В индоевропейском причастие на **-to* образовывалось от любого глагольного корня; активного или пассивного. Когда корень по значению был переходный, образованное от него причастие было непереходным и даже пассивным. Ср., напр., ав. *jata-*, др.-перс. *ava-jata-* 'убитый', *karta-* 'сделанный'. Но и здесь возможно было сохранение активного значения. Яркий пример этому в иранском мы имеем в ав. *frauharata-* (прич. от **fra-xvar-*), употребленном в актив-

¹ См. В. Delbrück. *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*. 2 Teil. Strassburg, 1897, S. 463.

ном значении в обороте *genetivus absolutus*: ... *vayanam(ca)frauhartanam* '(пока) птицы не сохрани' (V. 5, 14). Причастие же от непереходных глаголов чаще всего приобретало активное, или скорее нейтральное значение. Другой важной чертой в семантике причастий на *-ta* является их способность передавать возможность достижения субъектом или пациенсом состояния, вытекающего из действия, обозначенного в корневой морфеме. Описанные черты функциональной семантики причастий на *-ta*, равно как и их свойство отглагольного имени принимать показатели грамматического рода и флексии, иначе говоря их способность к синтаксическому согласованию, сделали их прекрасным материалом для образования еще на древнеиранской стадии, перифрастических глагольных оборотов.

Как среднеперсидский, так и парфянский унаследовали большое число древних причастий на *-ta*, первичных, образованных от нулевой ступени корня, и вторичных, от полной ступени и даже от ступени с подъемом. Но в обоих языках широко функционируют также представляющие инновацию претеритальные причастия с суффиксами *-īd* в среднеперсидском и *-ād* в парфянском, суффиксами, выделенными, очевидно, путем переразложения из новообразованных причастий, возникших к концу древнего периода присоединением суффикса *-ta* к презентным основам. В ходе эволюции западноиранских языков эти новые причастия получили большое распространение в силу их ясности для говорящих морфологической соотносимости с основой презенса. В случае унаследованных причастий на *-ta* подобная связь уже не ощущалась. В турфянских текстах встречаются и по две формы - унаследованная и новая - причастия для того же глагола. Так, напр., в парфянских текстах глагол *bōž-* имеет два претеритальных причастия - *bōxt* и *bōžād*. В функциональном отношении между этими новыми причастиями и унаследованными на *-ta* нет никакой разницы. Исходя из этого в диссертационной работе они рассматриваются вместе.

В турфянском материале отмечаются субстантивное, атрибутивное и адвербиальное употребление причастий на *-ta*. Но самое главное для них - это участие в системе глагола, создание претеритального аналитического спряжения. Они выступают также с полувспомогательными глаголами *stā-* и *dār-*. В данной главе все эти вопросы подробно анализируются с обильным привлечением текстовых примеров. В автореферате же мы ограничимся кратким изложением самого узлового вопроса в данной группе, а именно функции причастия в образовании активного перфекта изъявительного наклонения от переходных глаголов. Нами выделяется три способа образования перфектных форм, которые мы условно называем перфект I, II, III. Все

три способа восходят к древней possessивной перифразе и сущность их заключается в том, что логический субъект в них выступает как обладатель действия, выраженного причастием, и стоит (исторически) в родительно-дательном падеже, тогда как логический объект выступает в номинативе, а при наличии глагола-связки эта последняя согласуется с ним в лице и числе.

Перфект I характеризуется отсутствием связки во всех лицах и восходит непосредственно к древнеперсидской перифразе (ima) *taua manā krtam*. В перфекте I субъект может быть выражен либо местоименной энклитикой (редко – местоимением), либо – именем. В любом случае он выступает в основном в начале предложения, на втором месте находятся дополнение или обстоятельства, а предикат, выраженный причастием, как правило, ставится в конце фразы. Ср. в ср.-перс.: 'wš rnz mww'n 'у нуw kyrd 'И он показал (букв. 'сделал') пять хороших предзнаменований' (M 819 R I, 13, 14); в парф.: *mn dyšt 'pdn* 'Я построил дворец' (M 5d R I, 18). Перфект I в обоих языках имеет чисто активное значение, однако в некоторых случаях, когда субъект действия не выражен, причастие-предикат может иметь пассивное значение; ср., напр., в парф.: *wyš 'd br'n 'c 'sm'n* 'Открылись двери неба' (M 39 R I, 14-16).

Несмотря на исторически possessивный характер перфекта I, судя по турфанским текстам, уже в среднеиранский период обнаруживается тенденция к номинативному строю, на что указывает частое выступление предлога *ō* перед объектом действия, выраженным существительным. См. в ср.-перс.: *pryštgrwšn ... xwnd 'w mgy 'mw* 'Посланник Света позвал господина Аммо' (M 2 R I, 34-37); в парф.: *fryštg 'w 'rd'w rd 'ndrw'z w'st* 'Посланник поднял праведного в воздух' (M 87Ib, 5). В силу указанной тенденции местоимение *man* стало восприниматься как номинатив и начало вытеснять местоименные формы первого лица ед. числа номинатива *an* и *az*.

Перфект II отличается от предыдущего наличием глагола-связки *ah-*. В третьем лице ед. числа связка отсутствует, совпадая тем самым с соответствующей формой перфекта I. При перфекте II существует объектное согласование. Субъект выступает часто как личное местоимение в полной или же в энклитической формах. Нередки и случаи, когда в качестве субъекта выступает субстантив. Порядок слов почти тот же, что и в перфекте I. Перфект II возводит к древнеперсидской перифразе *utāmay vasiy astly krtam*. Он имеет активное значение. Ср. в ср.-перс.: 'wš q'rgr'n *hyšt hynd* 'И он отпустил рабочих' (M 100 R III, 12-14); в парф.: *qdyš'n dyd 'yy* 'Когда они тебя увидели' (M 10 V, 2-4).

Перфект III имеется в обоих языках и в нем, подобно перфекту I, отсутствует глагол-связка с объектным выражением. Характерной его чертой является присоединение непосредственно к перфектному причастию личных местоименных энклитик, обозначающих агенса. Агенса – обязательно одушевленный – может быть выражен и именем: в этом случае имя агенса (обозначение его или имя собственное) непосредственно предшествует глагольной форме с энклитикой, или следует за ней. Объект (логический) может отсутствовать, но там, где он выступает в текстах, он представлен либо именем в ед. числе, либо придаточным предложением. Как в среднеперсидском, так и в парфянском эти конструкции чаще стоят в начале фразы, реже – в конце. Контексты, в которых засвидетельствован перфект III, указывают на то, что к нему прибегали в эмфатической речи, особенно там, где эмфазис высказывания ложился на глагольное действие. В подтверждение этого приведем две следующие строфы из ср.-перс. гимна (M 388v, 4-7): 'n d'nym kw z'd-'m (= zād (h)am) 'wd ny d'nym kw myr'm, sy *xwrdwm pd tnr'r sy d'dwm pd rw'n* 'Я знаю, что родился, но не буду знать, что умираю. Что съел я, (то) – для плоти, что отдал я, (то) – для души'. Ср. также в парф.: *fr'mwxtyyš tnb'r rdwscn 'bdyn* 'Скинул он обычную телесную одежду (= умер)' (M 5, 63-65).

Рассматриваемая форма перфекта засвидетельствована и в книжном пехлеви. Поскольку она отмечалась почти исключительно в переводах Авесты, в частности в формулах типа *magōš Ahurō mazdā; rərə-saš Zaraduštō (guft-aš Ohrmazd* 'сказал он, Ормизд'; *pursit-aš Zar-tušt*). Х.Бартоломе склонен был считать ее не более, чем искусственной, "ученой" формой, навеянной переводчиком порядком слов в оригинале.¹ Довольно частое употребление ее в турфанских текстах дает все основания пересмотреть это мнение Х.Бартоломе: перед нами, несомненно, глагольная форма живого языка, особенно употребительная в поэзии – почти все турфанские тексты, в которых она отмечена, представляют гимны – и вообще, в возвышенной и эмфатической речи. Более того, мы находим ее также и в пехлевийской Псалтири из Турфана, которая была переведена с сирийского. Так, в 98. 2 Kap.:² *mwtyš MRWYU NPSH rwik'n'* 'Показал он, господь, свое спасение'. Способ выражения possessивной предикации агенса и причастия в перфекте III совершенно аналогичен possessивной денотации имени энкли-

¹ См. Ch.Bartholomae. Zur Kenntnis der mitteliranischen Mundarten IV. – *SbNAW, Phil.-hist.Klasse, 1922, Abt.6, S.15 sqq.*

² F.C.Andreas, K.Barr. Bruchstücke einer Pehlevi-Übersetzung der Psalmen. – *SbNAW, 1933, I, S.98-99.*

тиками, широко применявшейся как в среднеперсидском (пехл. и ма-
них. тексты, Псалтырь), так и в парфянском; ср., напр., в ср.-
перс.: *dyswm*, *syhrgwm*, *mgundwm*; парф.: *p'dgyrbwm*, *wxrdygrwm* и т.д.¹
Перфект III как бы следует этому образцу.

Третья глава посвящена причастиям на *-ant*. В древнеиранском
активные причастия наст. времени образовывались от основы презен-
са или аориста суффиксом *-ant/-nt* (и.е. **-ent/-ont/-nt*). В рас-
сматриваемых нами языках эти причастия имели довольно ограничен-
ное употребление. Они функционируют главным образом осложненные
суффиксом *-āk*. В книжном пехлеви имеется немного примеров этих
причастий без суффикса *-āk*; это — *tanand* 'паук (ткущий)', *niyāzand*
'просящий' и т.д. В новоперсидском отмечено *parrand* 'летающий',
šarand 'пасущий, болтовня', *kanand* (тадж. *kaland*) 'топор', *navand*
'говец, конь'. Недавно О.Семереньи выявил еще один пример прича-
стия на *-ant* в ср.-персидском, засвидетельствованный в пехлеви-
ской Псалтыри (129, 5-7, 130, 3), причем сохранивший глагольное
значение. Это *pand* (др.-иран. **pānt*), выступающий в составе *figu-
ra etymologica pand pā-* 'defendens defendi'.² В опубликованных
среднеперсидских турфанских текстах причастия на *-ant* не засвиде-
тельствованы. В парфянском, однако, имеется несколько примеров:
'*xšynd* (< **xšayant-*), '*dyhynd* (< **ati-ayant-*), '*m'nynd* (**mānant-*),
xndynd и др. Эти причастия функционируют как субстантивы, постпо-
зитивное определение к имени и единственный раз, сохраняя свое
глагольное значение, — в качестве обстоятельства сопутствующего
действия в предложении. Ср.: *kd xndynd 'w mn nw'cyd* 'Когда (он)
смеясь, нежно говорит со мной' (М 4с, 2-3).

Четвертая глава носит название "Причастия на *-ān*". Эти при-
частия образуются от основы наст. времени присоединением суффикса
-ān. Они имеют активное значение, но согласно принятому мнению
восходят к общепранским медиальным причастиям на **-āna*, образо-
ванным от атематических основ. Тематические глаголы в иранском
образовывали причастия посредством суффикса **-mna*, **-mana*. В про-
цессе дальнейшей эволюции в среднеиранских и новоиранских языках
генерализуется тип от атематических основ, давший формы на *-ān*,

¹ См. W.V.Henning. *Mitteliranisch*. — In: *Handbuch der Ori-
entalistik*. Leiden — Köln, 1958, Bd 4, Abt. I, Abschn. I, S. 103-
104.

² См. O.Szemerényi. *Iranica IV*. — In: *Вопросы иранской и об-
щей филологии*. Тб., 1977, с. 241, 242; то же в *Orbis*, 1970, 19,
p. 500-519.

которые вошли в систему причастий наст. времени актива. В средне-
персидских и парфянских турфанских текстах случаи субстантивных
употреблений указанных причастий нами не обнаружены¹. Засвидетель-
ствовано адъективное употребление причастий на *-ān*. Наибольший
интерес, однако, представляет деепричастное употребление отгл.
имен на *-ān*. Ср. в ср.-перс.: '*wš'n rywh'n 'wh gw'nd* 'И (они),
умоляя, так им скажут' (М 470 v, II-12); '*wd gryy'n 'c ryšyh
'wzyd hynd* 'И (они), рыдая, от него ушли' (М 454 v, 23-25). В
среднеперсидских текстах нами отмечен один пример, где причастие
на *-ān*, выступая с глаголом чувственного восприятия ('видеть') в
финитной форме, показывает состояние объекта. Ср.: '*wš dwy xwt
'wd m'h phryz'n nyūyūd* 'И затем (Аз) солнце и луну увидела враща-
ющимися (увидела, как они вращались)' (Т Ш 260, е I в П, 16-19).
Аналогическая конструкция глагола 'видеть' с причастием наст.вре-
мени в аккузативе засвидетельствована также в древнеиранских язы-
ках. Ср. в Авесте: *yaŋ spābēš pairi.avaēnaŋ dūrāŋ ayantēš ras-
mauō* 'Когда (он) увидел издали войско, приближающееся в ратном
строю' (Yt. 5, 68); в др.-перс.: *yaŋā avaina imāš būmim yauda(n)-
tim* 'Когда (Ахурамазда) эту землю увидел в смятении' (DNa, 32).

Но чаще всего в турфанских текстах причастия на *-ān* выступа-
ют в составе причастных оборотов с компонирующим глаголом *nivān-*
'начинать(ся)', главным образом с формой претерита этого глагола
nivist. Конструкция в целом имеет видовое значение начала дейст-
вия, процессуальности. Дополнение и обстоятельства ставятся, как
правило, между компонирующим глаголом и причастием, которое всег-
да находится в конце фразы. Ср. в ср.-перс.: *nwyšt 'z 'wyp mzn'n
... 'wzm'h 'wd mrg'zyūšn hmwcc'n* 'Аз начала причать этих дэвов-
мазанов... к похотливости и к половому сожителству' (Т Ш 260, е
I в П, 12-22). В опубликованных парфянских текстах конструкции
этого глагола с причастием на *-ān* или инфинитивом не засвидетель-
ствованы. А в целом причастия на *-ān* в парфянском имеют очень ог-
раниченное употребление. В заключении к IV главе отмечается, что
о причастии на *-ān* в среднеперсидском и парфянском можно говорить
как о весьма непродуктивной отглагольной форме. Ограниченность
употребления указанных причастий в среднеиранском отразилась и в
новоиранских языках. В некоторых, как в курдском, белуджском, тат-

¹ Приведенную К.Бруннером (Brunner, ук. соч., с. 32) форму
w'n'n в качестве имени деятеля в среднеперсидском следует испра-
вить на *w'n'g*, из-за неверного чтения: в тексте вместо нун стоит
гимел (см. М 612 v, 13).

ском они совсем отсутствуют, в других, как в гилианском, употребляются изредка. Причастия на -ān сравнительно чаще встречаются в персидском и таджикском, хотя и здесь их употребление весьма ограничено.

В пятой главе подвергаются исследованию отглагольные имена на -išn, широко засвидетельствованные в турфанских текстах. Они образуются, как правило, от основы наст. времени глагола, а также от каузативной основы. Однако в турфанском среднеперсидском, как и в пехлеви, имеются образования и от прошедшей основы. В турфанских среднеперсидских текстах нами зарегистрировано всего два таких случая: 'mdušn и dydušn. Исключительно редки и образования со сложными суффиксами -išnīk, -išnōmand, -išnīh, широко распространенными в пехлевиийских текстах, в целом избыточными искусственными образованиями. В наших текстах на среднеперсидском имеются только два таких примера: 'wdyrušnug и 'mdušnuyh, а парфянский совсем их не знает. Происхождение суффикса -išn не вполне ясно. Из выдвинутых до сих пор гипотез наиболее вероятной представляется нам гипотеза Э. Бенвениста, который возводил его к иранскому суффиксу имен действия *-tā (индо-иран. *-tā);¹ ибо как функционально, так и фонетически (во всяком случае для среднеперсидского) она не может вызывать возражений. Для парфянского, однако, мы не располагаем примерами такого фонетического развития. Поэтому трудно исключить возможность того, что суффикс -išn, если он действительно восходит к иран. *-tā, является формантом, заимствованным из среднеперсидского.

Главная функция имен на -išn в турфанских текстах — это функция имени действия. Нужно особо отметить, что на долю основной массы собранных нами примеров приходится именно такое употребление отгл. имен на -išn. Они выступают также в качестве именного члена составного сказуемого с глаголами bay- и kartan. Имена действия на -išn, выступая с фазовыми глаголами, передают значение начала или конца действия. Ср. в ср.-перс.: nwyst gwyušn 'у nrysh yzd 'Началась речь бога Нарисаха' (Т III 260, е П V П, 9-II), prz'pt gwyšn 'br 'stwnd 'Закончилась речь о телесном' (Т III 260, е П V П, 3-4); в парф.: ywbyšn 'ngwd pd hw jm'n 'c mn 'Страдание в то время кончилось для меня' (М 42 R П, 50-52). Имена на -išn изредка в турфанских ср.-перс. текстах выражают значение *nomen agentis*: 'šmh

¹ См. E. Benveniste. *Les infinitifs avestiques*. Paris, 1935, p. 106, 107; его же. *Индоевропейское именное словообразование*. М., 1955, с. 133.

dwšqyrdg'n'n tncyu w 'zq'm 'n'gkwušn 'wd gyh hš'r bwd huui 'Вы, злодеи, были шкурниками и жадными, грешниками и накопителями богатства' (М 477 I Ст, 5-8).

Если для имен на -išn в пехлевиийских текстах исключительно характерным является герундивное употребление, то в турфанских текстах такое употребление для обоих языков является довольно редким. Ср. в ср.-перс.: 'ygyš prw'ng 'wd r'hnmwd'r 'b'yšn 'Тогда потребуется вождь и предводитель' (М 9 I V, 3, 4); в парф.: cy tnb'r hrw ns'w 'b'yšn 'Ибо это нужно для плоти каждого мертвого тела' (Т III D III 267, f V I, 27-29).

Имена на -išn отмечены не во всех новоиранских языках. В современном персидском и таджикском они употребляются как простые субстантивы или имена действия. Главная семантика форм на -išn как имен действия способствовала их превращению в отдельных иранских языках в инфинитивы. Такое положение мы обнаруживаем в заза (ср. vātīš 'говорить', wašīš 'требовать, просить', šāyīš 'идти'). В целом можно отметить ограниченное употребление отгл. имен на -išn в новоиранских языках.

Шестая глава диссертационной работы посвящена инфинитивам. В среднеперсидском и парфянском, а также в большинстве западноиранских языков засвидетельствованы только инфинитивы на -tan, восходящие к древнеперсидскому типу образования инфинитивов на -tanaiy (датель ед. числа имен действия на -tan). Они образуются от основы наст. времени. Однако наряду с формами на -tan в указанных языках выступает также так наз. "усеченный" инфинитив, совпадающий формально с причастием перфекта на -ta. Происхождение этого типа инфинитивов во многом спорно. По мнению Дж. Дармстетера, "усеченные" инфинитивы — это старие имена действия на -ti, которые с отпадением флексии контаминировались с причастиями на -ta.¹ Против этой гипотезы выступил, однако, А. Мейе, который считал, что и.е. имена действия на -ti, в отличие от имен на -tu, выступали только в составе сложных образований.² Это мнение А. Мейе было оспорено его учеником Э. Бенвенистом, считавшим, что нет никаких доказательств тому, что абстрактные имена на -ti были ограничены только сферой композитов, и что это имена на -tu имели круг функционирования, ог-

¹ J. Darmesteter. *Études iraniennes*, I, 2. Paris, 1883, p. 229, 230.

² A. Meillet. *Sur le rôle et l'origine des noms d'action indo-européens en *-ti*. — BSL, 25, f. I, p. 123 sq.

раниченный простыми образованиями.¹ Э. Бенвенист предполагал возможность происхождения "усеченного" инфинитива от древнего инфинитива на **-tauai* (ав. *tōe*), формы дательного падежа имен действия на *-ti*.² Эта точка зрения не может вызывать возражений ни в фонетическом отношении, ни в плане функциональной семантики.

Инфинитив в турфанских текстах прежде всего употребляется как имя действия, играя в предложении любую, присущую существительному роль (главным образом прямого дополнения). Инфинитив выступает также в так наз. инфинитивных предложениях, в которых предикация, а часто и модальность, выражается самой формой инфинитива. Ср. в ср.-перс.: *ywjdh r dšn 'yg b'wz ygr h' pdyr yptn gr'y 'yg dyp kwš /.../* 'Принимать ли десницу святую спасителя более, (чем) религию, которую /.../' (М 20б, 7, 8). Инфинитив в приведенном примере выражает модальное значение колебания, возможности, которое усиливается частицей *hā*. Ср. в парф.: *'b'g 'bust'wg'n'n ny qwš ydn 'wd hš'gyrd'nc 'ndr zgyrdn* 'С вероотступниками не (следует) бороться, а учеников же (следует) наставлять' (М 73I в, 3-6).

Инфинитивные предложения представлены также в древнеиранских языках; ср., напр., в Авесте: *noit diwšaidyāi višpa.hišas aburō* 'Всепонимающий (всевидающий) Ахура не должен быть обманут' (Y. 45, 4).

Как известно, инфинитив употребляется также и для выражения цели, намерения, выступая грамматическим объектом основного глагола. В турфанских текстах инфинитив в финальной функции выступает как в абсолютном, независимом употреблении, так и с послелогом *gāu/gād*, примыкающим к нему в постпозиции. Ср. в ср.-перс., без послелога: *'wd j'dg pryst'dn 'yt'n rd mn b'n ruš 'šm'h pryst'nd* 'И чтобы послать (вам) долю, которая ваша через меня, они (отцы) пришлют к вам богов' (М 95 в 6а-б). В парфянском нами отмечен только один пример инфинитива с финальным значением без предлога *gād*. Ср.: *'wd gr'y d 'w jfr'n ngwz'dn 'ndr* 'И спускается в бездну, чтобы в ней спрятаться' (М 780 v, 24b). В приведенном примере инфинитив неверно рассматривается К. Бруннером как существительное.³ При случаях с послелогом он ставится после инфинитива и вместе с ним выступает в конце фразы. При этом объект действия, выраженного инфинитивом, примыкает к нему непосредственно. В случае ди-

¹ E. Benveniste. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948, p. 110, III.

² E. Benveniste. Les infinitifs avestiques, p. 109.

³ См. Ch. Brunner, ук. соч., с. 36.

стантного положения инфинитива от объекта передаваемого им действия в среднеперсидском, для подчеркивания связи с ним, перед инфинитивом ставится предлог с энклитическим местоимением (*'wyš, rdyš*), выполняющий здесь анафорическую роль. Ср.: *'wd 'bgw h g 'y ch'r qyšwr t'r 'wyš w r w p t n r 'y* 'И для того, чтобы грязь четырех кешваров (ту, которая там) вымести' (М 99 v П, 16-19); ср. в парф.: *nw'g šhr dyštn r'd 'bc'r 'zgyrft bwt* 'Для постройки нового айона были получены материалы (М 2, 88-90). Инфинитив в финальной функции был очень употребителен и в древнеиранских языках. В засвидетельствованных среднеперсидских текстах выражение цели было одним из двух главных употреблений инфинитива, который выступал в этой функции с глаголами движения. Ср. также в Авесте: *yaš Janāni hitāšpəm raide raide vazaidyai* 'Поразить бы мне Гитаспу, чтобы увезти его в колеснице' (Yt. 15, 28).

В турфанских текстах имеют широкое распространение сочетания инфинитива с модальными глаголами. При рассмотрении этих сочетаний следует прежде всего иметь в виду характер связи выраженного инфинитивом действия с субъектом основного глагола, иначе говоря, нужно различать объектный инфинитив (ОИ) и субъектный (СИ).

Выступая с модальным глаголом, инфинитив одновременно имеет две функции: как имя он является дополнением финитной формы глагола, но, благодаря своей глагольной природе, он может играть и другую роль, а именно: входить в предикативную связь с субъектом и же выраженного действия.¹ ОИ главным образом выступает с глаголами волеизъявления, побуждения, говорения и т.п. В турфанских среднеперсидских текстах ОИ примыкает к глаголам *framādan* 'приказывать', *hammōxtan* 'учить', *hištan* 'оставлять, разрешать', *xvāh-* 'просить, хотеть'. В парфянском примеры с ОИ в конструкциях мод. глагол + инфинитив нами не отмечены. СИ примыкает к глаголам желания, мысли, умственного восприятия, возможности, умения и к фазовым глаголам: *kām-* 'хотеть, желать', *fragām-* 'желать', *tirs-* 'бояться', *ādug/ādag* (с *ah-*), *tavān* 'способный' и т.д. Следует отметить, что в отмеченных нами примерах, как и в ОИ, модальный глагол в основном предшествует инфинитиву, который, как правило, ставится в конце фразы. Объект или обстоятельства могут располагаться либо перед модальным глаголом, либо между ним и инфинитивом. В турфанских текстах довольно часто встречаются также безличные конструкции с инфинитивом и модальными глаголами и словами *abāy-*

¹ См. J. Kurylowicz. The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, p. 166.

'быть необходимым, надлежать, долженствовать' (только в ср.-перс.), *piuābag* 'нужно, следует' (только в парф.), *šāu-/šāh-* 'быть возможным, дозволенным', *šāg* 'нужно, следует, можно' (только в парф.), *vaz-* 'приличествовать, подобать'.¹ Эти конструкции, имеющие различные модальные оттенки, а также конструкции с ОИ и СИ подробно рассматриваются в данной главе. Что же касается "усеченных" инфинитивов, то они имеют ограниченное употребление (гл. образом с модальными и безличными глаголами) и функционально мало отличаются от "полных".

Преобладающий тип инфинитива в современных иранских языках — это инфинитивы на *-tan* и "усеченные" инфинитивы. Наряду с этими имеются и другие формы инфинитивов: на *-aka-*, *-apa-*, *-išn* и т.п. Формы на *-tan*, однако, наиболее активны; они проникают часто и в языки, в которых имеются другие типы образования инфинитивов, составляя с ними конкурирующие формы. Эти инфинитивы, и особенно "усеченные", вошли в систему глагольного словоизменения некоторых (главным образом западных) иранских языков.

В заключении суммируются основные результаты работы.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах автора:

1. Инфинитивы в среднеперсидском и парфянском (на материале турфанских текстов). — Историко-филологический журнал АН Арм.ССР, 1983, № 1. 161-176.

2. Причастия на *-ān* в западносреднеиранских языках (на материале турфанских текстов). — Вестник общественных наук АН Арм.ССР, 1983, № 5, с. 53-56.

3. Перфект переходного глагола в западносреднеиранских языках. — Тезисы докладов IX научной сессии молодых востоковедов. Ереван, 1983, с. 32.

¹ В отличие от пехлеви, конструкции с *abāu-* и *vaz-* в турфанских текстах встречаются очень редко.